

Анастасия Шерр
Ли́ра Ветро́ва

Пять
котят
до любви

**Анастасия Шерр
Ли́ра Ветро́ва
Пять котят до любви**

<https://litres.ru/74402702>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне достались в наследство старый дом, пять котят и сосед, который мечтает купить мой участок.

Максим Орлов терпеть не может кошек.

Кошки, кажется, считают иначе.

Одна уже спит у него дома. Вторая ворует его вещи. Третья смотрит на него так, будто он принадлежит ей.

А я всё чаще ловлю себя на мысли, что тоже не против оставить Максима себе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ли́ра Ветро́ва, Анастаси́я Шерр Пя́ть котят до любви

Глава 1

Когда нотариус сказал, что тётя Вера оставила мне дом, я сначала решила, что он перепутал Зверевых. В нашей семье недвижимость обычно не наследовали. Её делили, продавали, закладывали и годами вспоминали за праздничным столом таким тоном, будто речь шла о военном преступлении. Но бумага была настоящая, подпись тёти тоже, и через четыре дня я стояла у зелёной калитки с чемоданом, ноутбуком и твёрдым намерением закончить всё за неделю. Дом выглядел так, словно последнюю молодость пережил ещё при кнопочных телефонах. Крыльцо просело на один угол, водосточная труба смотрела в небо, а сирень разрослась настолько, что могла требовать отдельный почтовый индекс. Я любила тётю Веру, но её представления об уюте всегда включали три обязательных пункта: старую мебель, банки с вареньем неизвестного года и вещи, которые когда-нибудь пригодятся. Судя по сараю, это когда-нибудь должно было наступить после конца света.

Ключ заедал. Я толкнула дверь плечом, вошла в прохладную прихожую и сразу услышала тонкий писк. Потом второй. Потом что-то маленькое, рыжее и очень деловое вылетело из кухни, врезалось мне в кроссовок и попыталось вскарабкаться по джинсам. За ним показался серо-белый круглый котёнок. Чёрная мордочка выглянула из-за ножки стула и исчезла. Трёхцветная кошечка сидела на тётином пледе с таким выражением, будто дом завещали ей, а я явилась оспаривать наследство. Пятый, полосатый, висел на занавеске. Я молча поставила чемодан. Полосатый медленно сполз вниз вместе с половиной тюля. На столе лежал конверт с моим именем. Почерк тёти Веры невозможно было спутать ни с чьим. Она писала крупно, сердито и всегда так, будто ручка была ей должна денег.

«Сонька, дом можешь продать, если не полюбишь. Я не обижусь. Котят первому встречному не отдавай. Они все с характером, особенно рыжий. Рыжего я назвала Персиком, хотя он бандит. Серого зовут Пельмень, потому что ест за троих. Трёхцветная Пуговка. Чёрная Клякса. Полосатый Шнурок. Хороших людей узнаешь. Плохих тоже. Не торопись ни с теми, ни с другими. Вера».

Я перечитала записку дважды, потом посмотрела на пятерых наследников. Пельмень уже сидел у миски и возмущённо пищал, хотя корм в ней был. Персик кусал шнурок моего кроссовка. Пуговка умывалась. Клякса следила за мной из безопасной темноты под буфетом. Шнурок снова полез на

занавеску. Семь дней внезапно стали выглядеть оптимистичным сроком. Я позвонила маме. Мама сказала, что тётя всегда была женщиной с сюрпризом, кошек в её квартиру везти нельзя, зато дом в этом районе сейчас стоит прилично. Потом добавила, что мне полезно отвлечься после расставания с Игорем. Я сообщила, что рассталась с Игорем полгода назад и уже давно отвлеклась. Мама произнесла своё многозначительное «конечно» и посоветовала не связываться с местными мужчинами. На этой семейной мудрости связь оборвалась.

К вечеру я успела вымыть кухню, найти ветеринарные паспорта котят, открыть все окна и понять, что в доме нет нормального горячего душа. Вода из крана выбирала температуру по настроению. В кладовке обнаружили три коробки ёлочных игрушек, велосипед без переднего колеса и новый кошачий наполнитель, купленный тётей заранее. Я старалась не думать о том, что она знала, что уезжает в больницу и, возможно, не вернётся. Грусть накатывала не красивой печалью, а мелкими бытовыми ударами. Её кружка на подоконнике. Очки на полке. Крем для рук у кресла. В холодильнике половина лимона, аккуратно завёрнутая в блюдец. Дом не был пустым. Он был полон человека, которого уже нельзя позвать из соседней комнаты. Я села на ступеньку крыльца и впервые за день позволила себе заплакать.

Ровно через минуту Персик решил, что траур затянулся. Он пронёсся по дорожке, нырнул под калитку и исчез. Я

вскочила так быстро, что ударилась коленом о перила. За забором справа тянулся ухоженный участок с ровной травой, деревянной террасой и большим чёрным мангалом. Над углями поднимался дым. Мужчина в серой футболке держал щипцы и смотрел на решётку. Персик, видимо, решил, что запах мяса сильнее инстинкта самосохранения. Рыжая молния взлетела на низкий столик, оттуда прыгнула на край мангала, поскользнулась и с отчаянным писком исчезла из моего поля зрения. Я закричала. Мужчина выругался, отбросил щипцы и молниеносно сунул руки под боковую полку. Через секунду Персик оказался у него на груди, целый, испуганный и невероятно довольный собой.

Я влетела через открытую соседскую калитку, не подумав ни о приличиях, ни о мамином совете. Мужчина оказался высоким, широкоплечим, с короткими тёмными волосами и тем выражением лица, которое обычно появляется у людей после звонка из банка о подозрительной операции. На предплечье краснела свежая царапина. Персик цеплялся за его футболку всеми четырьмя лапами.

— Он не обжёгся? — выпалила я, хватая котёнка.

— Нет. Я успел поймать этого специалиста по самоубийству.

— Спасибо. Он сегодня нервничает.

Мужчина посмотрел на Персика. Тот немедленно попытался укунить его за палец.

— Вижу. Очень тонкая нервная организация.

Я прижала котёнка к груди и только теперь заметила на столе тарелку с мясом, салат, стакан воды и один прибор. Никакой шумной компании, никакой вечеринки. Я разрушила человеку ужин в одиночестве. Точнее, разрушил Персик, но юридически отвечать за него предстояло мне.

— Я Соня. Из соседнего дома. Дом тёти Веры.

— Максим Орлов.

Имя показалось знакомым. Нотариус что-то говорил о соседе, который интересовался участком. Я вспомнила не сразу, зато Максим, похоже, вспомнил всё.

— Вы наследница?

— Звучит так, будто сейчас появится музыка из детектива.

Уголок его рта дёрнулся, но улыбкой это не стало.

— Я несколько раз предлагал Вере Павловне купить участок. Если решите продавать, сообщите до того, как позовёте риелтора.

Вот и местный мужчина. Не успела я снять куртку, а он уже приценился к моему наследству. Тёплая благодарность за спасённого котёнка слегка остыла.

— Я здесь меньше шести часов.

— Значит, у вас ещё есть время подумать.

— Великодушно.

Персик вдруг вытянул лапу и смахнул с края стола кусочек мяса. Максим поймал его раньше, чем тот упал на землю. Я ожидала раздражения, но он посмотрел на котёнка с

коротким неверием, будто впервые встретил существо наглее себя.

— Кошки у вас всегда падают с неба или сегодня особенный день?

— Их пять.

Максим медленно перевёл взгляд на мой дом. Потом снова на меня.

— Пять?

— Не переживайте. Я найду им хозяев.

— Быстро?

— За неделю.

Теперь он всё-таки улыбнулся. Не широко, не дружелюбно, а так, будто услышал очень хороший анекдот, но решил дать мне возможность самой понять, где смеяться.

— Удачи, Соня.

Я ушла, гордо держа Персика под мышкой. У самой калитки котёнок вывернулся, задней лапой зацепил мой карман и вытащил оттуда ключи. Они упали в траву. За спиной негромко рассмеялся Максим Орлов. В этот момент я решила две вещи. Во-первых, тётины котята действительно найдут хорошие семьи. Во-вторых, мой вредный сосед никогда не узнает, насколько сильно мне хочется показать ему язык.

Глава 2

Утро началось в пять сорок семь с ощущения, что кто-то сверлит стену. Я открыла глаза, увидела Шнурка на прикроватной тумбе и поняла, что звук идёт из-под кровати. Там Пельмень пытался протиснуть пластиковый шарик между досками старого пола и рычал на него с такой деловой яростью, будто от результата зависела ипотека. Персик спал у меня на животе. Пуговка заняла подушку рядом. Клякса, единственная воспитанная кошка в этом доме, сидела на подоконнике и смотрела на рассвет. Через десять минут котята завтракали, а я стояла на кухне с кофе и составляла список. Ветеринар. Фотографии. Объявления. Мелкий ремонт. Оценка дома. Риелтор. Семь дней. Я написала цифру семь сверху и обвела её. Персик прошёл по листу мокрой лапой и оставил на цифре отпечаток.

В девять пришёл сантехник, которого посоветовала соседка через дорогу. Он заглянул под раковину, покачал головой, произнёс «старьё» и исчез за деталями. В десять позвонил риелтор и пообещал приехать в пятницу. В одиннадцать я сфотографировала котят на тётином пледе. Пельмень получился похожим на маленького чиновника, недовольного бюджетом. Шнурок на всех снимках был размыт. Клякса пряталась в складках ткани. Пуговка смотрела в камеру с презрением модели, которой не заплатили. Персик

съел бумажный угол фона. Я выложила объявления в городские группы, написала честно о характерах и отдельно указала, что животных отдам после знакомства и беседы. Через двадцать минут мне пришло сообщение от женщины, которая хотела «котика любого цвета для ребёнка, если надоест, выпустим во двор». Я закрыла переписку и впервые поняла, зачем тётя оставила эту фразу про первого встречного.

Ближе к полудню в кухне что-то грохнуло. Потом зашипело. Потом вода ударила из-под мойки с таким напором, будто дом решил уйти на дно красиво. Я метнулась за полотенцами, перекрыла кран, который не перекрыл ничего, и позвала сантехнику. Телефон был недоступен. Через две минуты вода уже текла по полу к коридору, а пятеро котят носились вокруг в восторге. Я схватила таз, потом второй, потом поняла, что тазики проигрывают. Единственным человеком, чей номер я знала в радиусе нескольких домов, был Максим. Номер остался у меня после вчерашнего обмена контактами по поводу участка. Я смотрела на экран секунд десять, пока Пельмень не сел в лужу.

Максим пришёл через четыре минуты. В рабочей рубашке, с разводным ключом и видом человека, которого оторвали от чего-то важного ради чужого домашнего апокалипсиса. Он ничего не спросил, прошёл на кухню, лёг на пол у раковины и перекрыл воду на старом вводе, который я даже не заметила. Потом поднялся, оглядел мокрый пол и Пельменя. Котёнок сидел в тазу. Сам. Без приглашения.

— Семь дней, говоришь?

— Не начинай.

— Я молчу.

— У тебя лицо разговаривает.

— Это врождённое.

Я сунула ему полотенце. Он вытер руки и вдруг наклонился к Пельменю. Тот поднял мокрую лапу и поставил её Максиму на запястье. На секунду суровое соседское лицо стало совсем другим, мягким и почти мальчишеским. Потом Максим заметил, что я смотрю, и вернул привычное выражение.

— Где остальные?

— Если повезёт, не в стенах.

Мы нашли Шнурка на шкафу, Кляксу под ванной, Пуговку в корзине с бельём, а Персика не нашли нигде. Я проверила все комнаты, сарай, крыльцо. Максим осмотрел двор. Рыжего не было. Вчерашняя сцена с мангалом вспыхнула в голове и стала совсем не смешной. Я звала его, трясла пакетом корма, заглядывала под кусты. Максим молча открыл калитку между участками, которой я раньше не замечала. Она была старой, заколоченная одной доской. Он снял доску и прошёл к себе.

Персик сидел у него на террасе и ел кусочек курицы из миски.

— Это что? — спросила я, остановившись на дорожке.

— Курица.

— Я вижу. Почему она в миске?

— Потому что если положить её на стол, твой бандит полезет на мангал.

— Ты его кормишь.

— Я спасаю свой ужин.

Персик услышал меня, но уходить не торопился. Я сложила руки на груди. Максим сделал то же самое. Между нами сидел котёнок и невозмутимо жевал курицу.

— Он не должен привыкать ходить к тебе.

— Согласен.

— Тогда не корми его.

— Скажи это ему.

— Персик, домой.

Персик сел спиной.

Максим кашлянул, скрывая смех. Я подняла котёнка и понесла обратно. Калитка между нашими участками скрипнула за спиной. Он не стал снова прибивать доску.

После обеда сантехник вернулся, заменил часть трубы и назвал сумму, от которой мой список расходов стал похож на предсмертную записку. К вечеру я устала так, будто сама перекладывала водопровод. Я сидела на ступеньках крыльца с ноутбуком, отвечала потенциальным хозяевам и всё чаще нажимала кнопку «нет». Один хотел кота в гараж «мышей ловить». Другой спрашивал, можно ли кормить колбасой. Третья женщина была чудесной, но дома у неё жил старый пёс, который кошек не переносил. Единственная подходящая семья могла приехать в воскресенье посмотреть Кляк-

су. Это был крохотный успех. Я записала его в блокнот и почувствовала себя начальником отдела кадров для пушистых безработных.

Когда стемнело, на соседнем участке зажглись тёплые фонари. Максим вышел на террасу с кружкой, заметил меня и поднял её вместо приветствия. Я ответила рукой. В этот момент Пуговка, до того мирно сидевшая у моих ног, стрелой метнулась к забору, пролезла в щель и исчезла. Я закрыла глаза.

— Даже не смей смеяться! — крикнула я через кусты.

— Я ничего не сказал.

— У тебя опять лицо разговаривает!

Пуговка не вернулась ни через пять минут, ни через десять. Я пошла через открытую калитку. Максим стоял у двери, босиком, и держал кошечку на руках. Она устроилась у него под подбородком, мурлыкала и выглядела так, будто наконец нашла достойный персонал.

— Предательница, — сказала я ей.

— Не дави на ребёнка. Она сделала выбор.

— Отдай.

Максим протянул Пуговку, но та вцепилась коготками в его футболку. Он осторожно отцепил одну лапу, потом вторую. Я видела, как бережно он это делает, и внутри шевельнулось странное тёплое чувство. Оно мне не понравилось. Максим был человеком, который хотел купить мой участок. Вредным, самоуверенным, язвительным. Так было удобнее.

— Завтра повезу их к ветеринару, — сказала я, забирая Пуговку. — После осмотра начну искать семьи активнее.

— Хорошая клиника на Центральной. Спросишь Лебедева.

— Откуда знаешь, если кошек терпеть не можешь?

Он замолчал на долю секунды.

— У меня был пёс.

Больше он ничего не добавил. Я тоже не спросила. Пуговка мурлыкала у меня на руках и смотрела на него через плечо. Когда я вернулась домой, она ещё минут десять сидела у двери, явно считая, что вечер оборвали на самом интересном месте.

Глава 3

Ветеринарная клиника встретила нас запахом антисептика, лающей таксой и табличкой «Не ставьте переноски на стойку». У меня было две переноски, пять котят и ощущение, что я перевожу цирк без лицензии. В первой ехали Клякса и Пуговка. Во второй Пельмень, Шнурок и Персик устроили драку за полотенце. Доктор Лебедев оказался мужчиной лет тридцати, спокойным, улыбчивым и на удивление терпеливым. Он осмотрел каждого, похвалил тётю Веру за прививки, назначил Шнурку капли для глаз и сообщил, что отдавать малышей можно, но лучше не спешить и тщательно выбирать семьи. Я мрачно сказала, что именно это и делаю. Персик в этот момент укусил доктора за фонендоскоп.

— Характерный, — заметил Лебедев.

— Это медицинский термин?

— После знакомства с ним стал медицинским.

Я засмеялась впервые за несколько дней так легко, что сама удивилась. Доктор помог донести переноски к машине, дал визитку и сказал звонить, если что-то насторожит. Когда я вернулась, Максим разгружал у своего гаража доски. Он увидел меня, посмотрел на переноски и без просьбы пошёл навстречу. Я отдала ему тяжёлую. Изнутри немедленно высунулась лапа Персика и зацепилась за край его рубашки.

— Лебедев сказал, что все здоровы, — сообщила я. —

Шнурку нужны капли. И ещё он сказал не торопиться с хозяевами.

— Разумный человек.

— Ты сейчас радуешься тому, что мой план рушится?

— Нет. Я заранее смирился.

Максим поставил переноску в прихожей и вдруг достал из кармана маленькую мышь из серого фетра. Пуговка увидела игрушку первой. Через секунду она уже висела на его руке, стараясь дотянуться.

— Это откуда?

— Нашёл в машине.

— В твоей машине сами заводятся кошачьи мыши?

— Видимо.

— Максим.

— Соня.

Он положил игрушку на пол. Пять котят набросились на неё так, будто фетровая мышь была последним ресурсом планеты. Я посмотрела на ценник, который мужчина забыл снять. На нём стояло название зоомагазина у клиники.

— Ты купил им игрушку.

— Одну.

— Человек, который не любит кошек.

— Я не люблю, когда они едят твои занавески. Это вложение в сохранность недвижимости.

Я ничего не ответила, но улыбка всё равно полезла наружу. Максим заметил и покачал головой.

— Не делай из этого событие.

— Уже сделала. Вечером занесу тебе благодарственную грамоту.

— Только без котят.

Пуговка подняла голову на его голос и побежала следом, когда он вышел. Он вернул её ногой в прихожую очень осторожно, словно боялся задеть.

День прошёл в уборке и звонках. Семья, заинтересовавшаяся Кляксой, перенесла встречу на субботу. Ещё одна женщина захотела Пельменя и после десяти минут разговора призналась, что собирается подарить его пятилетней племяннице без согласия родителей. Я отказала. Она назвала меня сумасшедшей кошатницей. Это было особенно обидно, потому что ещё три дня назад у меня не было ни одной кошки. К вечеру я сидела на кухне, ела холодный сыр и пыталась работать. Мой начальник прислал письмо с напоминанием, что отпуск на наследственные дела заканчивается в понедельник. Я работала удалённо три дня в неделю, остальные два должна была появляться в офисе. Из дома тёти до города было почти два часа. Теоретически можно ездить. Практически я уже представляла подъём в пять утра, электричку и пять котят, организующих государственный переворот без меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.